

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой культурологии и изобразительного
искусства Шуйского филиала
Ивановского государственного университета

Сакральный космос: о культуре и культурологии

В статье показаны онтологические корни культуры, её символическая метафизика и макроцивилизационный кризис; затрагиваются вопросы футурологии и россиеведения.

Ключевые слова: культура – модель – отклонения – клип – политика – цель – перспективы.

Всерьёз задаваясь вопросом о том, что такое культура и почему она важна для каждого человека, мы сразу попадаем в сферу её всепронизывающего излучения: культура – это сакральный космос, символическое раскрытие бытия, а не совокупность артефактов и не просто человеческая деятельность, не просто даже возделывание земли, ведь последнюю великолепно возделывают и черви, даже лучше людей, делая её плодородной... Поэтому действительно «необходимо, - как подчёркивал крупнейший теоретик культуры в XX веке Освальд Шпенглер, - прежде уяснить себе, что такое культура, в каком отношении находится она к зримой истории, к жизни, к душе, к природе, к духу, в каких формах она выступает и насколько эти формы – народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, искусства и произведения искусства, науки, правовые отношения, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события – являются символами и подлежат в качестве таковых толкованию». Мыслитель говорит здесь, во-первых, о тотальности культурного опыта, во-вторых, о его сквозной символичности, и, в-третьих, о его разноречивой толкуемости: например, существуют тысячи определений культуры – но в подавляющем большинстве в них нет глубины её понимания... А к ней разворачивает нас и как бы ориентирует уже сама внутренняя форма

слова «культура». Совершая его морфемный разбор, мы легко выделяем изменяемую часть – окончание «а», затем – корень «культ» и суффикс «ур», который является латинским синонимом церковнославянского суффикса «ость». Но вот, что интересно: латинский язык знает не только суффикс, но и корень «ур»; и в этом последнем случае перед нами – слово, имеющее двукорневую основу. «Ур» означает небесный свет и огонь, отсюда – покровительница звёзд «Уrania», некое софийное начало, близкое и к древнегреческому космическому Логосу, и к древнекитайскому неисчерпаемому Дао... Во внутренней форме слова культура заложен этот контрапункт, если хотите – даже конфликт между возделыванием земли и обращённостью к небу, творчески разрешаемый в различных традиционных моделях культурного опыта. «Культура, - отмечал Романо Гвардини, - не есть благополучно-прекрасная безопасность, но отчаянная схватка не на жизнь, а на смерть, и никто не знает, чем она закончится...» В огненных колёсах библейского пророка Иезекииля несоизмеримо больше культуры, чем в училище культуры и даже (или – тем более!) министерстве культуры.

Часто указывают на тот (вроде бы – очевидный) факт, что мы живем в эпоху смены культурной модели, справедливо отмечая опасности отхода от традиционных ценностей. Од-

нако это далеко не просто смена «моделей» – мы живём в эпоху завершающегося перехода от культуры и культурного многообразия к техно-электронной цивилизации... Поэтому надвигающееся на нас из будущего не имеет вообще аналога-ви соизмери только с Апокалипсисом. Ещё Леонардо да Винчи в своих символических пророчествах «о падении света солнечной сферы» отмечал: «Появится такая вещь, что если кто задумает покрыть её, будет покрыт ею». Многообразие культурно-исторического опыта, его, используя во-след нашему Президенту образ из наследия Константина Леонтьева, «цветущая сложность», ныне приносится в жертву тотальной унификации и стандартизации всех сторон человеческой жизни. Этот процесс идёт везде и уже давно, заявляя о себе, как минимум, уже в XIX веке, вызывая духовно-нравственное неприятие у лучших представителей культуры, писателей, мыслителей, но сегодня он уже находится в столь продвинутой фазе, что возникают весьма печальные думы о свершившейся антропологической катастрофе, находящие яркие подтверждения в классике культурфилософской мысли XX века, составившей своеобразную «Сумму культурологии», которая катастрофична насквозь.

Как хорошо указывал ещё в середине прошлого века Хайдеггер, «в метафизическом отношении СССР и США – одно и то же: господство техники и одномерного человека»; патологическая антропология с плакатами «Долой стыд!» имеет столетнюю давность, если мы вспомним начало Советской России... На излёте советского времени Александр Дольский пел: «Ветер в храмах лесов отпускал мне грехи» – красиво и легкомысленно... Есть такой знаменитый режиссер-авангардист Алехандро Ходоровски; в 1973 году он выпустил фильм «Священная гора», где самым безжалостным и садомазохическим образом буквально вытаптываются последние остатки священного – именно здесь, думаю, причина: показана полная деградация человечества, причём – наивно и с пафосом, но духовное оскудение есть глубокое ментальное заболевание и всякий, допустим, художник, философ или политик просто выражают это состояние, однако не способны сами запускать эти процессы, как не способны их и остановить. Французский мыслитель Жиль Делёз называл крупнейших деятелей современной культуры «клиницистами цивилизации». Но есть такие места, куда мы никогда не придём,

так есть и тропы, которыми лучше не ходить... Это – гибельные возможности.

В ходе вековой истории изменилось само сознание людей – оно давно уже утратило цельную континуальность живого бытия и стало рассредоточенным, механическим, клиповым, что накладывает отпечаток на все сферы жизнедеятельности современного человека. Клип предполагает быструю смену кадров – в пику этому у меня есть учебный получасовой фильм-медитация, где многоплановая информация удерживается в одном кадре весеннего леса... Близким образом работал Андрей Тарковский, возвращающий нас в мир докинематографической классики. Современное искусство уходит корнями к эстетике авангарда, к началу XX века, всё последующее охвачено этими интенциями; так, например, в Угличе в советские времена районная газета называлась «Авангард»... У Бердяева есть работа «Кризис искусства», где он отмечал: «В мир победоносно вошла машина и нарушила вековечный лад органической жизни. С этого революционного события все изменилось в человеческой жизни, все надломилось в ней». Но это опять-таки столетняя давность: давно уже запущены механизмы, призванные разрушить Традицию. Ленин впечатляюще говорил о коммунисте: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало за все свои годы человечество» - мне в юности подумалось, что никогда нельзя стать коммунистом... Но, с другой стороны, попробуйте представить себе такого коммуниста! – безусловно, его сознание будет клиповым... Позднее я на место слова «коммунистом» пытался не без доли юмора поставить слово «культурологом» - а здесь-то и открываются широкие врата Постмодерна с его децентрацией, всеядностью, когда всё равно приближено и равно удалено... Возможно ли в этом мире радикальной машинерии эксклюзивное событие? – вопрос непонятный для искусственного интеллекта, ориентированного на технологическую воспроизводимость, а значит – невосприимчивость к чуду, к тайне бытия. В этом смысле культура как и углублённая рефлексия о ней – трансцендентны современности...

Если поставить закономерный вопрос о возможных усовершенствованиях в государственной политике в сфере культуры в Российской Федерации, то подчеркну здесь однозначно, хотя бы это и показалось кому-то фантастическим (но это – лишь вопрос длящегося пони-

мания): более радикальный отказ от западничества – можно сказать, культурная революция сознания... Не достаточно Президентского Указа № 808 О государственной культурной политике – хотя я в своё время немало обращался к его пафосу, подчёркивая, что в нём имеют место элементы философского трактата. Впрочем, как и программа Конфуция по исправлению имён, возникает это всё отнюдь не от хорошей жизни – но от осознания опустошения и провала; можно ли в таких вещах опираться только на государственную политику – очень большой вопрос. «Если разрушены основания – что сделает праведник?» - восклицает уже библейский пророк.

Спрашивается, зачем и кому было нужно выделение культурологии в качестве отдельной учебной и научной специальности в наше время узкой специализации – на что имеется, на наш взгляд, вполне основательный и даже фундаментальный ответ: ведь культурология – это человековедение, интегративная область знания, в большей степени, чем даже философия, которая подчас очень субъективна и шизоидна (и более филетична, чем софийна! – поэтому классики пишут о «завершении», «кризисе», «нищете» и «трагедии» философии); кроме того, культурология возникает, можно сказать, с диалектической необходимостью: ощущение распада целостности сопровождается заботой о собирании... Но качество последнего может быть весьма различным. Являясь экспертом РАН, я недавно по просьбе Национального фонда культуры, руководимого Никитой Сергеевичем Михалковым, экспертировал аудиоматериалы, посвящённые Константину Бальмонту, Марине Цветаевой, Анне Ахматовой, Михаилу Булгакову и некоторым другим знаменитым их современникам – в результате этого знакомства пришёл вместе с руководством фонда к довольно грустному выводу... Представленный нашему вниманию контент для предполагаемых аудиокниг не имеет метафизической глубины осмысления, столь необходимой для адекватной реконструкции художественных и жизненных миров означенных авторов, тем более, в столь солидном издании как Национальный фонд культуры. Короткое замыкание творчества на выборочные экстремальные фрагменты биографий не способствует постижению его эпохальной и действительно катастрофической широты - логика развёртывания истории культуры, актуального для этих авторов исторического периода, требует совершенно иной тональности и, разумеется, общетеоретической подготовки, про-

ще говоря - более глубокой интерпретации. Дело даже не во встречающихся здесь фактических и характерологических неточностях, лакунах и субъективных предпочтениях, которые для любительского и увлечённого подхода могли бы быть, если и не приняты, то пропущены - но именно в отсутствии рефлексии историософского и герменевтического (религиозно-философского) уровня, без подъёма на который представляемые творческие опыты оказываются, увы, лишь антропологической патологией, пригодной более для психоаналитических, нежели глубинных историко-культурных репрезентаций, а именно в последних столь нуждается ныне творческое самопознание России. Не хотелось бы перекрывать возможность самовыражения авторам представленных материалов - а потому, полагаю, что можно рекомендовать показать сделанное для критического осмысления на иных творческих площадках. Существуют тысячи учебников культурологии, их можно читать или полистать – но я обычно рекомендую свои книги, не потому, что они именно мои, а потому, что они написаны с опорой на культурфилософскую классику, восходящую к Лейбницу, Вико, Гердеру – к началу новой эпохи в истории человечества.

Говоря о перспективах развития сферы культуры в России с учётом всего вышесказанного, стоит указать на последний и решающий выбор: либо мы продолжаем обслуживать чужую цивилизацию – планетарную агонию западного мира и медленно тонем вместе с ним – либо же совершаем прорыв в небывалое и меняем конфигурацию всемирной истории, чего от нас хотели бы и некоторые западные великие умы: Шпенглер, Шубарт, Хайдеггер... Последнее, впрочем, может оказаться и в области «безысходных мечтаний», столь свойственных россиянину Нового времени, когда нас самым жесточайшим образом втягивали в историческую агонию Западной цивилизации, ставшей ныне, повторим это – планетарной реальностью. Мы охотно пользуемся её материальными благами, но у нас нет никакой уверенности, что их сумма приведёт нас к истинному Благу. Мы помним, что один из новгородских юродивых на бесе ездил в Иерусалим: речь не идёт об отказе от научно-технических достижений западной цивилизации – вопрос лишь в том, кто кого подчиняет себе: мы их, достижения эти, или – они нас. Сфера культуры в России могла бы развиваться в глубочайшем и практически эксклюзивном направлении, продолжая традиции оте-

чественной религиозной философии конца Нового времени. Только вернувшись к этому обширному опыту, мы обрели бы потерянное видение духовной реальности. Недаром, Президент России многократно цитировал русских мыслителей: Николая Бердяева, Ивана Ильина, Константина Леонтьева, Льва Гумилёва, Алексея Фёдоровича Лосева, Константина Дмитриевича Бальмонта, который является нашим земляком, и, между прочим, не только всемирно-известным поэтом, но и глубоким мыслителем. Заслуживают здесь пристального внимания и евразийцы: например, Николай Сергеевич Трубецкой, его «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». Важны и очень мало изученные мыслители: такие, как Владимир Николаевич Ильин и Владимир Алексеевич Шмаков. Все эти авторы, как и вершины этого наследия – отцы Павел Флоренский и Сергей Булгаков, а ранее их – славянофилы, начиная с Алексея Степановича Хомякова, по-своему разворачивают нашу мысль к сакральному космизму, к иному мироощущению – только оно, а не текущая политика, способно открыть для нас какой-то новый, ещё неведомый в полной мере, эон

творческого существования в мерцающих глубинах третьего тысячелетия, однако в любом случае он останется на пороге близкой вечности – именно об этом забывает цивилизация и напоминает нам культура.

Мне кажется, что сегодня даже церковное сознание охвачено процессом секуляризации и остерегается понятия сакральности: указывают на опасности оккультизма, однако он, при всех реальных духовных угрозах, ближе к истинному положению дел, чем современный академический опыт, практически отрицающий стоящую за оккультизмом реальность. Здесь необходим возврат к наследию прошлого, и более глубокое, вдумчивое и, безусловно, критическое его осмысление. Критика – это форма неотпускающего притяжения, но мы ещё недостаточно мыслим, чтобы понять это... Не стоит отбрасывать прошлое – будущее окажется непроницаемым туманом. Но прошлое – это не мёртвые формы, а животворный дух; у Карла Маркса была очень большая борода, но это не сделало его традиционалистом.

©Океанский В.П., 2019